

Содержание

Т. Скрябина. Михаил Лермонтов. «Я здесь был рожден, но с нездешней душой»	16
--	----

СТИХОТВОРЕНИЯ

1829

Посвящение N. N. («Вот, друг, плоды моей небрежной музы!..»)	29
Пир	29
К друзьям	30
К гению	30
Русская мелодия («В уме своем я создал мир иной...»)	32
Песня («Светлый призрак дней минувших...»)	32
К..... («Не привлекай меня красой!..»)	33
Романс («Невинный нежною душою...»)	33
К Нине	34
К N. N. («Ты не хотел! но скоро волю рока...»)	35
Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...»)	35
Пан	37
Жалобы турка	38
К N. N.*** («Не играй моей тоской...»)	38
Черкешенка	39
Ответ	39
Два сокола	40
Грузинская песня	41

СОДЕРЖАНИЕ

Мой демон («Собрание зол его стихия...»)	42
Жена Севера	42
К другу («Взлеянный на лоне вдохновенья...»)	43
Элегия («О! если б дни мои текли...»)	44
К*** («Глядися чаще в зеркала...»)	44
К*** («Мы снова встретились с тобой...»)	45
Монолог	45
Встреча	46
Баллада («Над морем красавица дева сидит...»)	46
Перчатка	47
Дитя в люльке	49
К* («Делись со мною тем, что знаешь...»)	49
Молитва («Не обвиняй меня, всесильный...»)	50

1830

«Один среди людского шума...»	51
Звезда («Вверху одна...»)	51
Раскаянье	52
Венеция	53
«Я видел раз ее в веселом вихре бала...»	55
Подражание Байрону	55
К Дурнову	56
Арфа	56
Кавказ («Хотя я судьбой на заре моих дней...»)	57
К*** («Не говори: одним высоким...»)	57
Опасение	58
Стансы («Люблю, когда, борясь с душою...»)	58
И. Ф. И...вой («Любил с начала жизни я...»)	59
Весна	60
Ночь. I («Я зрел во сне, что будто умер я...»)	61
Разлука	63
Ночь. II («Погаснул день! — и тьма ночная своды...»)	64
Незабудка	66
Совет	68
Одиночество	69

СОДЕРЖАНИЕ

В альбом («Нет! — я не требую вниманья...»)	69
Гроза («Ревет гроза, дымятся тучи...»)	70
«Гроза шумит в морях с конца в конце...»	71
Звезда («Светись, светись, далекая звезда...»)	71
Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда...»)	71
Вечер после дождя	72
Наполеон («В неверный час, меж днем и темнотой...»)	72
Эпитафия Наполеона	74
К глухой красавице («Тобой пленяться издали...»)	74
Очи N. N.	75
Кавказу	75
Утро на Кавказе	75
«Прости, мой друг!.. Как призрак я лечу...»	76
Челнок («Воет ветер и свистит пред недальной грозой...»)	76
Отрывок («На жизнь надеяться страшась...»)	77
«Оставленная пустынь предо мной...»	80
К... («Простите мне, что я решил к вам...»)	81
Ночь. III («Темно. Все спит...»)	82
Farewell	83
Элегия («Дробись, дробись, волна ночная...»)	83
Эпитафия («Простосердечный сын свободы...»)	84
Sentenz	85
Гроб Оссиана	85
Посвящение («Прими, прими мой грустный труд...»)	85
К Су<шковой> («Вблизи тебя до этих пор...»)	86
1830. Майя. 16 числа	87
Гость («Как прошлец иноплеменный...»)	87
К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...»)	89
Дереву	89
Предсказание	90
«Все тихо — полная луна...»	91
«Никто, никто, никто не усладил...»	91
11 июля	91
1830 год. Июля 15-го	92
Булевар	93

Песнь барда	96
10 июля (1830)	97
Благодарю! («Благодарю!.. вчера мое признание...»)	97
Нищий	98
К... («Не говори: я трус, глупец!...»)	98
«Плачь! плачь! Израиля народ...»	99
30 июля. — (Париж) 1830 года	99
Чума в Саратове («Чума явилась в наш предел...»)	100
Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...»)	101
Чума («Два человека в этот страшный год...»)	102
«Нередко люди и бранили...»	104
Романс («В те дни, когда уж нет надежд...»)	104
Отрывок («Приметив юной девы грудь...»)	104
Баллада («Берегись! берегись! над бургосским путем...»)	105
Ночь («Один я в тишине ночной...»)	105
К*** («Когда к тебе молвы рассказ...»)	107
«Передо мной лежит листок...»	107
«Свершилось! полно ожидать...»	108
«Итак, прощай! впервые этот звук...»	108
Черны очи	108
К*** («Когда твой друг с пророческой тоскою...»)	109
Новгород	109
Глупой красавице («Амур спросил меня однажды...»)	110
Могила бойца	110
Смерть («Закат горит огнистой полосой...»)	111
Русская песня	112
«На темной скале над шумящим Днепром...»	113
Песня («Не знаю, обманут ли был я...»)	113
Пир Асмодея	114
Сон («Я видел сон: прохладный гаснул день...»)	116
На картину Рембрандта	117
К*** («О, полно извинять разврат!..»)	118
Прощанье («Прости, прости!..»)	118
К приятелю	119

СОДЕРЖАНИЕ

Смерть («Оборвана цепь жизни молодой...»)	120
Волны и люди	121
Звуки	121
Первая любовь	122
Поле Бородина	122
Мой дом	125
Смерть («Ласкаемый цветущими мечтами...»)	125
Романс («Хоть бегут по струнам моим звуки веселья...»)	128

1831

1831-го января	130
«Послушай! вспомни обо мне...»	130
Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено!...»)	131
Солнце осени	132
Поток	132
К*** («Не ты, но судьба виновата была...»)	133
Ночь («В чугу́н печальный сторож бьет...»)	134
К себе	135
«Душа моя должна прожить в земной неволе...»	135
Песня («Колокол стонет...»)	136
«Пускай поэта обвиняет...»	136
Слава	137
Вечер	138
«Унылый колокола звон...»	138
«Хоть давно изменила мне радость...»	139
Звуки и взор	140
Земля и небо	140
К*** («Дай руку мне, склонись к груди поэта...»)	141
Из Андрея Шенье	141
К*** («Не медли в дальней стороне...»)	142
Сосед («Погаснул день на вышинах небесных...»)	143
Стансы («Не могу на родине томиться...»)	143
Мой демон («Собрание зол его стихия...»)	144
1831-го июня 11 дня	146

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Романс к И... («Когда я унесу в чужбину...»)	155
Завещание («Есть место: близ тропы глухой...»)	156
«Сижу я в комнате старинной...»	156
К*** («Всевышний произнес свой приговор...»)	157
Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...»)	158
К деве небесной	159
Св. Елена	160
К другу В. Ш.	160
«Блистая, пробегают облака...»	161
Атаман	162
Исповедь	164
Надежда	165
Видение	165
Чаша жизни	168
К Л. («У ног других не забывал...»)	169
К Н. И..... («Я не достоин, может быть...»)	170
Воля	171
Сентября 28	172
«Зови надежду сновиденьем...»	173
«Прекрасны вы, поля земли родной...»	173
«Метель шумит, и снег валит...»	174
Песня («Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном...»)	174
Небо и звезды	175
Счастливый миг	175
«Когда б в покорности незнания...»	176
К кн. Л. Г-ой	177
«Кто видел Кремль в час утра золотой...»	178
«Я видел тень блаженства; но вполне...»	178
К*** («О, не скрывай! ты плакала об нем...»)	179
К*** («Ты слишком для невинности мила...»)	180
«Кто в утро зимнее, когда валит пушистый снег...»	180
Ангел	181
Стансы к Д*** («Я не могу ни произнести...»)	181
«Ужасная судьба отца и сына...»	183

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Пусть я кого-нибудь люблю...»	184
К другу («Забудь опять...»)	185
«Пора уснуть последним сном...»	185
Из Паткуля	186
«Я не для ангелов и рая...»	186
Портрет («Взгляни на этот лик; искусством он...»)	186
«Настанет день — и миром осужденный...»	187
К Д. («Будь со мною, как прежде бывала...»)	188
Песня («Желтый лист о стебель бьется...»)	189
К Нэере	189
Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске...»)	190
Баллада («В избушке позднею порою...»)	191
Силуэт	192
«Как дух отчаянья и зла...»	193
«Я не люблю тебя; страстей...»	193
Стансы («Мгновенно пробежав умом...»)	193

1832

«Люблю я цепи синих гор...»	195
Солнце	196
«Я счастлив! — тайный яд течет в моей...»	196
Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой...»)	197
«Она была прекрасна, как мечта...»	198
«Время сердцу быть в покое...»	198
«Склонись ко мне, красавец молодой!...»	199
«Девятый час; уж темно; близ заставы...»	201
«Как в ночь звезды падучей пламень...»	203
К* («Я не унижусь пред тобою...»)	203
<В альбом Н. Ф. Ивановой> («Что может краткое свиданье...»)	205
<В альбом Д. Ф. Ивановой> («Когда судьба тебя захочет обмануть...»)	205
«Как луч зари, как розы Леля...»	205
«Синие горы Кавказа, приветствую вас!...»	206
Романс («Стояла серая скала на берегу морском...»)	207

СОДЕРЖАНИЕ

Прелестнице	207
«Ты молод. Цвет твоих кудрей...»	208
Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова?..»)	208
«Измученный тоскою и недугом...»	209
«Когда последнее мгновенье...»	210
«Нет, я не Байрон, я другой...»	210
Романс («Ты идешь на поле битвы...»)	211
Сонет («Я памятью живу с увядшими мечтами...»)	212
«Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья...»	212
К* («Мы случайно сведены судьбою...»)	213
«Поцелуями прежде считал...»	213
«Послушай, быть может, когда мы покинем...»	214
К* («Оставь напрасные заботы...»)	214
Баллада («Из ворот выезжают три витязя в ряд...»)	215
Бой	215
«Я жить хочу! хочу печали...»	216
«Смело верь тому, что вечно...»	216
«Приветствую тебя, воинственных славян...»	217
Желанье («Отворите мне темницу...»)	217
К* («Мой друг, напрасное старанье!..»)	218
К* («Печаль в моих песнях, но что за нужда?..»)	219
Два великана	219
К* («Прости! — мы не встретимся боле...»)	220
«Слова разлуки повторяя...»	221
«Безумец я! вы правы, правы!..»	221
«Она не гордой красотою...»	222
«Примите дивное <i>посланье</i> ...»	223
Челнок («По произволу дивной власти...»)	223
«Для чего я не родился...»	224
«Что толку жить!.. Без приключений...»	224
Парус	226
Баллада («Куда так проворно, жидовка младая?..»)	226
Тростник	228
«Он был рожден для счастья, для надежд...»	229
Русалка	230
Гусар	231

СОДЕРЖАНИЕ

1833

«На серебряные шпоры...»	233
Юнкерская молитва	234
«В рядах стояли безмолвной толпой...»	234

1837

Смерть поэта	236
Бородино	238
Ветка Палестины	241
Узник	242
Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...»)	243
«Когда волнуется желтеющая нива...»	244
Молитва («Я, мать божия, ныне с молитвою...»)	245
«Расстались мы, но твой портрет...»	245
«Я не хочу, чтоб свет узнал...»	246
«Спеша на север издалека...»	246

1838

Кинжал	248
«Гляжу на будущность с боязнью...»	248
«Она поет — и звуки тают...»	249
«Как небеса твой взор блистает...»	249
«Слышу ли голос твой...»	250
Вид гор из степей Козлова	250
<А. Г. Хомутовой> («Слепец, страданьем вдохновенный...»)	251
Дума	252
Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»)	254
Казачья колыбельная песня	255

1839

«Ребенка милого рожденье...»	257
Не верь себе	258
Три пальмы	259

СОДЕРЖАНИЕ

Молитва («В минуту жизни трудную...»)	261
Дары Терека	261
Памяти А. И. Одоевского	264
«Есть речи — значенье...»	266

1840

«Как часто, пестрою толпою окружен...»	267
И скучно и грустно	268
Из Гёте	269
<М. А. Щербатовой> («На светские цепи...»)	269
Воздушный корабль	270
Соседка («Не дожидаться мне, видно, свободы...»)	273
Журналист, читатель и писатель	274
Пленный рыцарь	279
<М. П. Соломирской> («Над бездной адскою блуждая...») .	280
Отчего	281
Благодарность («За все, за все тебя благодарю я...»)	281
Ребенку («О грезах юности томим воспоминаньем...»)	281
А. О. Смирновой («Без вас хочу сказать вам много...»)	282
К портрету («Как мальчик кудрявый, резва...»)	283
Тучи	283
<Валерик>	284
Завещание («Наедине с тобою, брат...»)	291

1841

Оправдание	293
Родина	294
Любовь мертвеца	294
«На севере диком стоит одиноко...»	296
Последнее новоселье	296
<Из альбома С. Н. Карамзиной> («Любил и я в былые годы...»)	298
<Графине Ростопчиной> («Я верю: под одной звездой...»)	299
Договор	300

СОДЕРЖАНИЕ

«Прощай, немытая Россия...»	300
Утес	301
Спор	301
Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...»)	304
«Они любили друг друга так долго и нежно...»	305
Тамара	305
Свиданье	307
Листок	310
«Нет, не тебя так пылко я люблю...»	311
«Выхожу один я на дорогу...»	311
Морская царевна	312
Пророк	313

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Предисловие	317
Часть первая	319
Часть вторая (<i>Окончание журнала Печорина</i>)	382

ПОЭМЫ

Кавказский пленник	479
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	500
Демон	516
Мцыри	552
<i>Д. Мережковский.</i> Ночное светило	575
<i>Т. Скрябина.</i> «Странный» и «гадкий» Печорин	583
Комментарии	590

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ
«Я ЗДЕСЬ БЫЛ РОЖДЕН,
НО С НЕЗДЕШНЕЙ ДУШОЙ»

Все трагично в судьбе Лермонтова. Ранняя смерть матери и разлука с отцом. Ссылка на Кавказ, который называли в народе погибельным, и опала со стороны властей. Личная неприязнь императора. Стычки с «золотой молодежью», дуэль и ранняя, в 26 лет, смерть. Безнаказанность его убийцы Мартынова. Большая слава, до которой не дожил. И даже даты жизни и смерти – 1814–1841, – содержащие в себе роковое для русской истории сочетание 14–41. Поэт Велимир Хлебников видел в этом совпадении особый знак: две мировые войны через сто лет – возмездие России за убийство гения, не успевшего выполнить свое предназначение.

Нет пророка в своем отечестве, но не всякий пророк побиваем камнями. Лермонтову досталась не только мучительная судьба гонимого поэта, но и горькая участь «козла отпущения всей русской литературы», как определит эту трагическую особенность лермонтовской биографии русский религиозный философ Дмитрий Мережковский. Несть числа мифам, поддерживающим представление о Лермонтове как о неуживчивом, уродливом, изводившем людей насмешками и эпиграммами человеке. «Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых плечах, возбуждала ощущение неприятное», – вспоминал Лермонтова один из его современников. «У него не было ни малейшего добродушия, и ему непременно нужна была жертва, без этого он не мог быть покоен», – вторил ему другой. А вот еще одно воспоминание: «Лермонтов был чрезвычайно талантлив, но со всем тем был дурной человек: никогда ни про кого не отзовется хорошо, очернить имя какой-нибудь светской женщины, рассказать про нее небывалую историю, наговорить дерзостей ему ничего не стои-

ло. Всегда смеялся над убеждениями, презирал тех, кто верит и способен иметь чувство... Да вообще это был «приятный» человек!» Втиснуть четвертое измерение в третье, доказать себе, что гений — такой же «обыкновенный», как и мы все, только еще хуже — распространенное обывательское удовольствие. Но ведь и люди духовные пытались приписать Лермонтову демонизм, антипатриотизм, презрение ко всему человеческому, богоборчество. «Лягушкой, прочно засевшей в тине», — назвал его музу философ Владимир Соловьев. Общим местом стало побивание Лермонтова Пушкиным: одному — все прощается, другому — все вменяется в вину.

Нетрудно догадаться, что так раздражало современников в гениальном поэте: как и его герой Печорин, Лермонтов жил с ощущением избранничества, соотносил себя не с земным, человеческим и конечным, а с огромным, необозримым и космическим. «Какой великий и могучий дух!» — воскликнет после беседы с ним критик Виссарион Белинский.

«Я здесь был рожден, но с нездешней душой», — скажет Лермонтов о своей духовной и поэтической родословной. Его род ведет начало от шотландского барда Томаса Лермонта, Стихотворца из Эрсилдауна, жившего в XIII веке и прославившегося не только как поэт, но и как провидец. По преданию, он был унесен эльфами в волшебную страну фей, откуда вернулся с даром слагать неземные песни и предвидеть будущее. Один из потомков Томаса Стихотворца Джордж Лермонт нанялся в иноземные войска, оказался с польской армией на территории России, где был захвачен в плен, а впоследствии поступил на службу и получил земли в Костромской губернии. От него, в крещении Георгия, и пошла русская ветвь рода Лермонтовых. Поиск романтической отчизны, далекой, утраченной земли предков, где среди цветущих полей висит в родовом замке щит с фамильным девизом «Пока дышу — надеюсь», стремление прорваться за предметную данность мира — мотивы, с которыми сопряжена вся лирика Лермонтова, от юношеского стихотворения «Желание» до последних шедевров поэта.

По материнской линии Лермонтов принадлежал к роду Стольпиных, министр внутренних дел Петр Стольпин, вошедший в историю России как бесстрашный реформатор, — его дальний родственник. Нешуточные страсти сотрясали эту семью задолго до рождения поэта. В усадьбе Тарханы Пензенской губернии, где рос маленький Лермонтов, покончил с со-

бой его дед, Михаил Васильевич, в честь которого назвали поэта: в новогоднюю ночь 1810 года он принял яд после домашнего спектакля, в котором играл роль могильщика в «Гамлете» Шекспира. Когда Лермонтову было три года, умерла от чахотки его мать, и бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева, урожденная Столыпина, выкупила у отца поэта Юрия Петровича право воспитывать внука за 25 тысяч рублей. Ее можно понять: Елизавета Алексеевна потеряла сначала мужа, затем единственную дочь, и трехгодовалый Миша оставался последним кровно близким ей человеком — как она писала в письмах, «светом очей моих, моим блаженством». Право воспитывать внука она закрепила в завещании: если Юрий Петрович забирает сына себе, то маленький Мишель лишается всех прав на ее наследство. Арсеньева не жалела средств на воспитание и образование внука и, чтобы он не чувствовал себя одиноким, взяла в дом еще 10 мальчиков — дальних родственников и детей соседних помещиков. Но воспитавшей его бабушке у Лермонтова не посвящено ни строчки, зато отцу, разлуку с которым он болезненно переживал, написаны «Ужасная судьба отца и сына \ Жить розно и в разлуке умереть», «Прости, увидимся ли снова» и др. *Menschen und Leidenschaften* («Люди и страсти») — так называлась ранняя пьеса Лермонтова, и кто кем управляет, еще большой вопрос.

С детства Лермонтова привлекали личности героического и романтического склада, люди чести с мятежным характером, но он оказался младше всех, кому хотел подражать, на кого равнялся. Кумиры его юности — Наполеон, Байрон, Пушкин, генералы 1812 года. Он родился уже после Отечественной войны 1812 года, был ребенком во время восстания декабристов и считал свое поколение слабосильным и обреченным на бездействие. Люди 1830-х годов в его изображении «перед опасностью позорно-малодушны, \ и перед властью — презренные рабы». В Московском университете, где Лермонтов учился сначала на политическом, затем на словесном отделении, он постоянно пикировался с профессорами и студентами. А ведь в одно время с ним университет посещали Белинский, Гончаров, Огарев, Станкевич, Герцен — весь цвет московской интеллигенции. В этом кругу московских интеллектуалов, увлеченных немецкой философией и утопическими идеями, Лермонтов чувствовал себя белой вороной. «Все от него отшатнулись, — вспоминает его университетский товарищ, — а между

тем что-то непонятное и таинственное влекло к нему». Это ощущение «непонятного и таинственного» было, конечно же, сопряжено с поэтическим даром Лермонтова. С 13 лет Лермонтов писал стихи и поэмы, главными темами которых стали гордое одиночество мятежной души, спор с судьбой, свобода и покой, предсказание ранней кончины. В 15 лет он уже сочинял поэму «Демон», где одиночество Демона противопоставлено одиночеству самого Бога. Его поэтическая мысль свободно перемещалась во времени и пространстве, от земли к небу, от египетских пирамид к снежным вершинам гор, от кремнистого пути посреди вселенной к монастырской келье красавицы Тамары. С первых же своих поэтических опытов Лермонтов обладал особой способностью творить слово «из пламя и света», он поэт огня и воздуха, все время упоминающий их атрибуты: бегущую комету, блеск далеких звезд, луч солнца, палящий день, лампаду, эфир, туман, воздушный океан, тучки. Каждая строка Лермонтова буквально пронизана музыкой и напевом, ритмом и вольным дыханием: игравший на трех музыкальных инструментах — флейте, скрипке и фортепьяно, — Лермонтов был одним из самых музыкальных русских поэтов.

Но самые жестокие стычки возникали у Лермонтова не с университетской средой, а с кругом «золотой молодежи» — с детьми дипломатов и придворных, с так называемой «новой аристократией», которой окружил себя Николай I. Эти люди, не имевшие никаких заслуг перед Отечеством, приехавшие в Россию «на ловлю счастья и чинов», получали при Николае титулы, должности и состояния. К этому кругу принадлежал убийца Пушкина Жорж Дантес, которого Лермонтов хотел вызвать на дуэль, и сын французского посла барон Эрнест Барант (поэт дал ему прозвище «салонный Хлестаков»), с которым Лермонтов дрался на шпагах и стрелялся в 1840 году. Свое впечатление от ненавистного ему петербургско-московского света он наиболее ярко передал в драме «Маскарад» и в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен», написанном после новогоднего бала (предположительно, в московском Дворянском собрании).

Когда после очередного пререкания с университетской администрацией возле фамилии Лермонтова появилась пометка «посоветовано уйти», Лермонтов оставил университет и поступил в петербургскую Школу юнкеров и гвардейских прапорщиков. Приехав в Петербург, на берегу Финского залива, или, как

он его называл, Финской лужи, Лермонтов написал стихотворение «Парус» – своего рода объяснение с Варварой Лопухиной, девушкой, к которой он испытывал сильную сердечную привязанность и которую оставил в Москве. Многие биографы Лермонтова считали, что черты Лопухиной Лермонтов зашифровал в образе Веры в «Герое нашего времени»: Вера – Варя, у Вари родинка на щеке, у Веры – под бровью. «Парус» Лермонтов вложил в письмо сестре Вареньки и отправил в Москву, тем самым косвенно признавшись любимой девушке, что «ищет бури», а не тихого семейного счастья:

Увы, он счастья не ищет
И не от счастья бежит.

Но «Парус» не просто объяснение с любимой, это еще и философское стихотворение о свободе и неизбежном одиночестве, о вечном стремлении неведомо куда, о тяге к миру прекрасного, о невозможности достичь желаемого. В этих строках юный Лермонтов уже выявляется как поэт со всей своей будущей силой, с гениальным умением мгновенно преобразить поразивший его образ силой поэтической фантазии и увести читателя за грань привычной действительности. О ком или о чем это сказано? О паруснике? О человеке? Ситуация у Лермонтова всегда иносказательна, пейзаж очеловечен, а земная реальность приобщена таинственным пластам бытия. «Парус», «Утес», «Тучки», «Листок» – эти стихотворения проникнуты «верой в сродство всякой земной твари» (И. Роднянская), из них просто невысказанно убрать человеческий подтекст: утес у Лермонтова страдает и плачет, как человек, а дубовый листок вымаливает пристанища у безразличной к его страданиям изумрудной чинары.

С 1834 года Лермонтов считает себя военным человеком. Один из самых распространенных мифов о поэте гласит, что он был тщедушен, болезненен, кривоног, но в действительности Лермонтов являлся вовсе не слабосильным меланхоликом, а героем Кавказской войны, приставленным к нескольким воинским наградам за храбрость. В 1837 году он был отправлен в Нижегородский драгунский полк, квартировавшийся на Кавказе, а в 1840 году в Тенгинский пехотный полк, в составе которого участвовал в походах на Большую и Малую Чечню. «Тенгинского полка поручик Лермонтов, – сказано в генераль-

ском донесении на поэта, — во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля. Но офицер этот исполнил возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами ворвался в неприятельские завалы». За бой при реке Валерик, описанный в одноименном стихотворении как кровавая бойня (вода в реке покраснела от количества пролитой крови), Лермонтов был представлен к ордену Владимира 4-й степени. Его полк действовал на опасных участках, на правом фланге кавказской линии, где русские сражались с легендарным предводителем чеченцев Шамилем. Здесь Лермонтов принял на себя командование сотней конных бойцов, преимущественно казаков, и, по словам его командующего В. Голицына, «был всегда первым на коне и последним на отдыхе». Голицын представил Лермонтова к золотой сабле «За храбрость», но, как и орден Владимира, золотую саблю Лермонтов не получил. Из представления к наградам его вычеркнул Николай I. Спустя четыре года Николай отказал поэту в отставке, а узнав о гибели Лермонтова, якобы сказал: «Собаке собачья смерть». За что же такая ненависть?

В 1837 году Лермонтов, потрясенный дуэлью и гибелью Пушкина, написал стихотворение «Смерть поэта» и буквально проснулся знаменитым. О дотоле неизвестном поэте Лермонтове заговорили в широких кругах петербургского общества. Люди переписывали его стихотворение (в печати «Смерть поэта» появилась только в 1856 году в Лондоне), передавали из уст в уста, заучивали наизусть, цитировали как гневный обличительный документ. Лермонтов написал первые две части стихотворения 28 января, когда Пушкин был еще жив, а затем, после похорон поэта, с новым накалом страсти и отрицания дописал последние 16 строк — знаменитое «прибавление». Не будучи лично знаком с Пушкиным, не зная обстоятельств его дуэли, Лермонтов с пророческой ясностью воссоздал подробности трагедии, к пониманию которых исследователи-пушкинисты приблизились лишь через несколько десятков лет. Фактически Лермонтов указывал на конкретных виновников гибели Пушкина, хотя и не называл их имен: Дантес, его приемный отец голландский посол в России Геккерн, Идалия Полетика и, конечно же, *тот*, по чьей воле и появилась в России «новая аристократия» — «жадной толпой стоящие у трона

Свободы, Гения и Славы палачи», — сам Государь. «Смерть поэта» — пример тому, как гениальные строки могут быть рождены энергией ненависти, жадной мести, это стихотворение-дуэль, стихотворение-поединок. Не останови Лермонтова его друг и родственник Монго Столыпин, Лермонтов стрелялся бы с Дантесом, и тогда, вполне возможно, мы не прочитали бы ни «Героя нашего времени», ни «Выхожу один я на дорогу», ни «Горные вершины». «Смерть поэта» не единственное произведение, внушенное обстоятельствами гибели Пушкина: в 1837 году Лермонтов написал «Песню про купца Калашникова», в которой человек чести Калашников предпочитает смерть семейному позору с попустительства царя.

Общественное мнение разносило: явился новый гений, наследник Пушкина. Николай I узнал о «Смерти поэта» из докладной записки шефа жандармов Бенкердорфа, который был взбешен «бесстыдным вольнодумством, более чем преступным». «Приятные стихи, нечего сказать», — резюмировал Николай и распорядился взять Лермонтова под стражу, предварительно удостоверившись, «не помешан ли этот господин». На гауптвахте за несколько дней Лермонтов сочинил «Узника», «Молитву», «Когда волнуется желтеющая нива...». Николай распорядился не давать ему чернил и бумаги, и Лермонтов записывал «Когда волнуется...» вином на обертке из-под хлеба и курицы. Поистине не за письменном столом, не в уютной кабинетной тиши создавались шедевры русской поэзии!

Благодаря стараниям бабушки приговор Лермонтову был сравнительно мягок: его отправили на Кавказ, но не в действующую армию, а в Нижегородский драгунский полк, никак не связанный с боевыми действиями. За первой ссылкой последует вторая, уже суровая, сопряженная с непосредственным участием в Кавказской войне: после дуэли с Барантом Лермонтов получит назначение в чеченский отряд, на передовую линию. Но ни первая, ни вторая ссылка, ни тягостное для него положение гвардейского офицера не сделают Лермонтова сговорчивей. Уезжая на Кавказ, он сочинит знаменитые строки:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Стихи настолько вызывающе антипатриотичные, что их неоднократно пытались приписать другим авторам. А незадолго до смерти он напишет гениальную «Родину»:

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не победит ее рассудок мой,
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни ветхой старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Эти строки были ответом Лермонтова на знаменитую формулу российской государственности «православие, самодержавие, народность», предложенную министром народного просвещения Сергеем Уваровым и активно внедряемую в общественное сознание в николаевскую эпоху. «Слава, купленная кровью» — не что иное, как самодержавие; «полный гордого доверия покой» — православие; а «ветхой старины заветные преданья» — пресловутая народность. В этом стихотворении понятия «родина» и «империя» у Лермонтова окончательно расходятся: он любит Россию, ее неповторимый пейзаж с «дымком спаленной жнивы», «дрожащие огни печальных деревень» (строка, которую невозможно не вспомнить, глядя в окно в ночном поезде), но жить в стране «голубых мундиров» Лермонтову отвратительно.

Кавказ, вопреки ожиданиям Николая I, не погубил дарования Лермонтова. За четыре года ссылки, т. е. с момента гибели Пушкина до его собственной смерти, Лермонтов стремительно преодолел ученичество и написал все то, что и сделало его великим: «Героя нашего времени», целую россыпь лирических шедевров, новую редакцию «Демона», «Мцыри». К своим ранним произведениям он относился крайне скептически: при жизни опубликовал всего один томик стихов, из почти тридцати написанных поэм для печати отобрал только три. На Кавказе Лермонтов сделался не только кумиром читающей и музицирующей России (многие его стихи тут же становились романсами), но и полупоэтичной фигурой в среде кавказских армейцев. Русские офицеры, воевавшие на Кавказе, знали и любили его провидческое стихотворение «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»). Сюжет стихотворения был навеян разговором Лермонтова с Морисом Шульцом, одногла-

зым и бесстрашным полковником Генштаба. Он рассказал поэту, как, раненный и измученный зноем, пролежал почти сутки в пустынной долине среди гор: «Во время штурма дагестанской крепости Ахульго я получил несколько ран, но не вышел из строя, пока одна пуля не повалила меня. Среди убитых под палящим солнцем я пролежал весь день, потом меня подобрала, подлечили. Что я чувствовал? Конечно, беспомощность, но в полузабытьи мысли мои уносились далеко от поля сражения, к той, ради которой я очутился на Кавказе. Помнит ли она меня, чувствует ли, в каком жалком положении ее жених». История Шульца в переложении Лермонтова трогала и потрясала русских офицеров — ведь с любым из них в Чечне могло случиться то же самое. Как и в других стихотворениях Лермонтова, здесь звучал излюбленный поэтом мотив сна-прозрения, несущего на себе отблеск заветного, сверхценного, высвобождающего сознание из оков привычной реальности. «Когда я сомневаюсь, есть ли что-нибудь, кроме здешней жизни, — писал Дмитрий Мережковский, — мне стоит вспомнить Лермонтова, чтобы убедиться, что есть».

В Петербурге в начале лета 1841 года бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна услышала входивший тогда в моду романс:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Песня прервалась рыданиями Елизаветы Алексеевны, и всем невольно пришло в голову: жив ли Лермонтов? А в конце июля в дом, где исполнялся романс, прибежал слуга Арсеньевой: «Лермонтов убит, бабушка без памяти...»

Какая-то злая ирония есть в том, что Лермонтов, который столько раз мог погибнуть от чеченской пули, был убит на Кавказе *своим*, одноклассником по Школе юнкеров и гвардейских прапорщиков Николаем Мартыновым. Легенда гласит, что у Лермонтова была красная шелковая рубашка, в которой он любил ходить в бой. В сражении он часто снимал мундир и был хорошо замечен противнику, горцы знали, что офицер в красной рубашке — «русский гегуако, ашуг» — поэт, и не трогали его: убить поэта у народов Кавказа — страшное престу-

пление, которое влечет за собой проклятье в седьмом колене. В момент дуэли с Мартыновым на Лермонтове тоже была красная рубаха — его оберег, его талисман.

Исследователи до сих пор бьются над объяснением причин этой странной дуэли. Почему Лермонтов, зная самолюбивый характер Мартынова, в точности воссозданный им в образе Грушницкого, задевал его остротами, дразнил «горцем с большим кинжалом»? Зачем после ссоры в доме Верзилиных спросил у него: «Что ж, на дуэль что ли вызовешь меня за это?» И услышал в ответ: «Да!» Сам искал смерти, намеренно играл с огнем? Ведь очевидно, что дальнейшая служба на Кавказе была для него тягостна (в Пятигорск он приехал по пути в дагестанскую крепость Темир-Хан-Шуру, куда ему была выдана подорожная). И чем объяснить поведение Мартынова, с нескольких шагов расстрелявшего поэта, уже поднявшего руку для выстрела в воздух? Ведь все ожидали, что дуэль кончится примирением, шуточной пальбой: выстрелят друг в друга черешнями, выпустят пар и поедут ужинать в ресторацию.

В гостиных Пятигорска Лермонтова не любили, раздражала его насмешливость, острый ум, ему не забыли, как после смерти Пушкина он оскорбил высшие круги российской аристократии. Недруги давно подстрекали поручика Лисаневича, над которым Лермонтов подшучивал, вызвать его на дуэль. Но тот в ужасе отвергал саму мысль об этом: рука не поднимется на такого человека! А у Мартынова поднялась. Потом он писал и переписывал свою «Исповедь», в которой изображал Лермонтова эдаким Скотом Чурбановым, способным на всякие низости. Чего он только ему не приписывал: и вскрывал доверенные ему письма, и рисовал непристойные карикатуры, и доводил женщин до истерики своими издевками, не говоря уже о том, что при дамах подвергал сомнению чужую мужественность. «Борьба совести с самолюбием была непродолжительной», — скажет Лермонтов о колебаниях, совершавшихся в душе Грушницкого накануне дуэли с Печориным. Эта фраза точно определяет и поведение Мартынова: как и в Грушницком, в убийце Лермонтова воспаленное самолюбие возоблада-ло над прочими человеческими качествами.

Скорее всего, в Пятигорске разыгралась драма под названием «Одноклассники. Встреча через несколько лет». Лермонтов и Мартынов соперничали еще со школьной скамьи: Мартынов писал стихи, надеялся на быструю военную карьеру,

но в начале 1841 года он вышел в отставку и сосредоточился главным образом на успехах у женщин. Желая произвести на дам впечатление, он носил черкеску и кинжал — глядя на такой костюм отставного военного, в пору было покрутить пальцем у виска. «Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон», — написал Лермонтов еще в Школе юнкеров, комментируя умственные способности своего однокашника. Чванство, зависть и тщеславие питали смертельную обиду Мартынова, встреча с Лермонтовым в Пятигорске была ему непереносима: все вокруг только и делали, что говорили о «Герое нашего времени», слава Лермонтова росла с каждым днем, в армейском кругу он был известен как храбрец и герой валерикского сражения, но что самое обидное — красавчик Мартыш явно проигрывал Лермонтову в популярности у женщин.

У подножия горы Машук 15 июля 1841 года Николай Мартынов застрелил Лермонтова. Секунданты не услышали выстрел: грянул гром, началась гроза, несколько часов поэт пролежал на земле под проливным дождем. Этот удар лишний раз подтвердил приближенность Лермонтова к высшим силам, прорвавшаяся в мир божественная воля обрушилась на его убийцу громом и дождем, катастрофическим взрывом сверхъестественного импульса. Военный суд требовал лишить Мартынова чина и состояния, но Николай I распорядился посадить убийцу поэта на три месяца на гауптвахту и предать церковному покаянию. Убийство Лермонтова осталось практически безнаказанным. Через несколько месяцев после похорон из пятигорского некрополя на склоне Машука, с видом на любимые им синие горы Кавказа и двугорбый Эльбрус, бабушка перевезла прах поэта в семейный склеп в Тарханах. Так сбылось еще одно пророчество Лермонтова о двух могилах: одной — кровавой, в горах Кавказа, «без молитв и без креста», другой — среди русских пейзажей «близ тропы глухой, в лесу пустынном средь поляны».

Татьяна Скрябина

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОСВЯЩЕНИЕ N.N.

Вот, друг, плоды моей небрежной музыки!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...
Я знаю все: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на все для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел...
Но час придет, своим печальным взором
Ты все прочтешь в немой душе моей;
Тогда — беги, не трать пустых речей, —
Ты осужден последним приговором!..

ПИР

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,

Не фрукты Греции счастливой
Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снедь — кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

К ДРУЗЬЯМ

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.

Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.

Но нередко средь веселья
Дух мой страдает и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.

К ГЕНИЮ

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня невольно к вспоминаянью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..
О, сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней и любви свидетелей!.. Люблю!
Твержу, забывшись, им. Но, полный весь тоскою,
Неверной девы лик мелькает предо мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,

Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
 Но я тебя молю, мой неизменный *Гений*:
 Дай раз еще любить! дай жаром вдохновений
 Согреться миг один, последний, и тогда
 Пускай остынет пыл сердечный навсегда.
 Но прежде там, где вы, души моей царицы,
 Промчится звук моей задумчивой цевницы!
 Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
 Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
 Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
 Певец знавал любви живые упоенья...
 ...И я приду сюда и не узнаю вас,
 О струны звонкие!

Но ты забыла, друг! когда порой ночной
 Мы на балконе там сидели. Как немой,
 Смотрел я на тебя с обычною печалью.
 Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной
 шалью

Сокрывши голову, на грудь твою склонял —
 И был ответом вздох, твою я руку жал —
 И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
 И месяц был один свидетель молчаливый
 Последних и невинных радостей моих!..
 Их пламень на груди моей давно затих!..
 Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
 Как я почти забыл и радости и муки,
 Желаете ты опять привлечь меня к себе?..
 Забудь любовь мою! покорна будь судьбе!
 Кляни мой взор, кляни моих восторгов
 сладость!..

Забудь!.. пускай другой твою украсит младость!..
 Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
 Где стелется эфир, как вечный океан,
 И совесть чистая с беспечностью драгою,

Хранители души, останьтесь ввек со мною!
И будет мне луны любезен томный свет,
Как смутный памятник прошедших, милых лет!..

РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой,
И рушилось неверное созданье!..

2

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный и свободный!.

3

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы милой сердцу и прекрасной —
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! — но напрасно! —
Никто конца ее не допоеет!..

ПЕСНЯ

Светлый призрак дней минувших,
Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
И заботы?

Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но где взять бывшее счастье
И беспечность?..
Где вы, дружески обеты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..
Щеки бледностью, хоть молод,
Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод
Водворились!

К.....

Не привлекай меня красой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь, как нищий, сир,
Брожу один, как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой...
И – пропасть под ногой скользящей!..

РОМАНС

Невинный нежною душою,
Не зная в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать, с какой-то
простотою:
Я был счастлив!..

Кто, слишком рано насладившись,
Живет, в душе негодование скрыв,
Тот может, друг, еще сказать, забывшись:
Я был счастлив!..

Но я в сей жизни скоротечной
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!..

К Н И Н Е

(Из Шиллера)

Ах! сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.

.....

Пусть навек с золотым мечтаньем,
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! ты любишь свет:
И любви моей как нет!

.....

Может ли любви страданье,
Нина! некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?..

.....

К Н. Н.

Ты не хотел! но скоро волю рока
 Узнаешь ты и в бездну упадешь;
 Проколет грудь раскаяния нож.
 Предстану я без горького упрека,
 Но ты тогда совсем мой взор поймешь;
 Но он тебе, как меч, как яд, опасен;
 Захочешь ты проступку вновь помочь;
 Нет, поздно, друг, твой будет труд
 напрасен:
 Обрато взор тебя отгонит прочь!..
 Я оттолкну униженную руку,
 Я вспомню дружбу нашу как во сне;
 Никто со мной делить не будет скуку;
 Таких друзей не надо больше мне;
 Ты хладен был, когда я зрел несчастье
 Или удар печальной клеветы;
 Но придет час: и будешь в горе ты,
 И не пробудится в душе моей участие!..

НАПОЛЕОН

Где бьет волна о брег высокой,
 Где дикий памятник небрежно положен,
 В сырой земле и в яме неглубокой —
 Там спит герой, друзья! — Наполеон!..
 Вещают так и камень одинокой,
 И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..
 Но вот полночь свинцовый свой покров
 По сводам неба распустила,
 И влагу дремлющих валов
 С могилой тихою Диана осребрила.
 Над ней сюда пришел мечтать
 Певец возвышенный, но юный;

Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов — но... воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.

.....
Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас.
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..

Когда уже едва свет дневный отражен
 Кристальною играющей волною
 И гаснет день: усталою стопою
 Идет рыбак берегов на тихий склон,
 Несведущий, безмолвно попирает,
 Таща изорванную сеть,
 Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
 Не перестав простую песню петь.....

 Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
 Умолк певец. Струится в жилах хлад;
 Он тайным ужасом объят...
 И струны лопнули... и тень ему предстала:
 «Умолкни, о певец! — спеши отсюда прочь, —
 С хвалой иль язвою упрека:
 Мне все равно; в могиле вечно ночь.
 Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока!
 Пускай историю страстей
 И дел моих хранят далекие потомки:
 Я презрю песнопенья громки;
 Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

П А Н

(В древнем роде)

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
 Укрывшись лесов в таинственную сень,
 Или под ветвями пустынные рябины,
 Смотреть на синие, туманные равнины.
 Тогда приходит Пан с толпою пастухов;
 И пляшут вокруг меня на бархате лугов.
 Но чаще бог овец ко мне в уединенье
 Является, ведя святое вдохновенье:
 Главу рогатую ласкает легкий хмель,
 В одной руке его стакан, в другой свирель!
 Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
 Играю и пою, не зная жажды славы.

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

ЖАЛОБЫ ТУРКА

(Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?

И где являются порой
Умы и хладные и твердые, как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный
пламень.

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

P. S.

Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? – Все мы человеки!..

К Н. Н.***

Не играй моей тоской,
И холодной и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,
Сердце (бог тому судья)
Жмет неведомое бремя!..

Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,

На удар моей руки,
На поверженную деву!

Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах,
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! злобный рок
Начертать сего не мог,
Чтоб мое покоить мщенье!.

ЧЕРКЕШЕНКА

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидел, —
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальных скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид:
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

ОТВЕТ

Кто муки знал когда-нибудь
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.

Он любит мрак уединенья.
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лесной,
Постигнут молнией, догорает,
Погас — и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, —
На нем печать оставил рок.

ДВА СОКОЛА

Степь, синяя, расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, трянувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
«Ах, я свет возненавидел
И безжалостных людей».
«Что ж ты видел там худого?»
«Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милого,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!»
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.

Ношею обманов скрытых
Юность там удручена,
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
 Случилось раз:
 Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
 Скатился:
Ах, ею старый армянин
 Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
 У старика?
 Его рука
Ласкает деву всякий день:
 И что же? —
Скрываются красы как тень.
 О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
 Но все любовь
 Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
 Явился.
И перл между ресниц порой
 Не бился...

Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
 Как перенести!
 Досада, месть,
Впервые вас он только сам
 Изведал!
И труп преступницы волнам
 Он предал.

МОЙ ДЕМОН

Собрание зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших,
Стоит его недвижимый трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

ЖЕНА СЕВЕРА

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны

Ей храмины сооружали,
 Как грозной дочери богов,
 И скальды северных лесов
 Ей вдохновенье посвящали.
 Кто зрел ее, тот умирал.
 И слух в угрюмой полночи
 Бродил, что будто как металл
 Язвили голубые очи.
 И только скальды лишь могли
 Смотреть на деву издали.
 Они платили песнопеньем
 За пламенный восторга час;
 И пробужден немим виденьем
 Был строен их невнятный глас!..

К ДРУГУ

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
 С деятельной и пылкою душой,
 Я не пленен небесной красотой;
 Но я ищу земного упоенья.
 Любовь пройдет, как тень пустого сна.
 Не буду я счастливым близ прекрасной;
 Но ты меня не спрашивай напрасно:
 Ты, друг, узнать не должен, кто она.
 Навек мы с ней разлучены судьбою,
 Я победить жестокость не умел.
 Но я ношу отказ и месть с собою,
 Но я в любви моей закоренел.
 Так вор седой заглохшия дубравы
 Не кается еще в своих грехах:
 Еще он путников, соседей страх,
 И мил ему товарищ, нож кровавый!..
 Стремится медленно толпа людей,
 До гроба самого от самой колыбели,
 Игралищем и рока и страстей,

К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

ЭЛЕГИЯ

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живят хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

К * * *

Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажется ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в младай душе своей
Самолюбивые волненья

Не будешь в силах утаить:
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..

К***

Мы снова встретились с тобой...
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня,
Ищу в душе своей волненья.
Ах! как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенья!..

МОНОЛОГ

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем
свете.

К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

ВСТРЕЧА

(Из Шиллера)

1

Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой;
Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрел на милый рой;
Но вдруг, как бы летучие перуны,
Мои персты ударились о струны.

2

Что я почувствовал в сей миг чудесный
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел дотоле неизвестный,
Я мыслей чистую излил струю.
Душе от чувств высоких стало тесно,
И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья,
И страсти юные, и вдохновенья.

БАЛЛАДА

Над морем красавица дева сидит
И, к другу ласкаясь, так говорит:

«Достань ожерелье, спустися на дно;
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно.

Возьми!» — и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной молодой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

ПЕРЧАТКА

(Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел

Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают.
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.

И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
Он рядом с ним.
Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки.
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.

Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

*

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!» —
И гордую тотчас покинул.

ДИТЯ В ЛЮЛЬКЕ

(Из Шиллера)

Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему:
но дай время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир.

К*

(Из Шиллера)

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне черт душа твоя!..

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

* * *

Один среди людского шума,
Возрос под сенью чуждой я.
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлись пылкие друзья,
Но я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь.
Измены душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участия,
Ни слез, ни пламенных страстей.

ЗВЕЗДА

Вверху одна
Горит звезда,
Мой ум она
Манит всегда,

Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет.
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор;
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда,
Он был далек;
Усталых вежд
Я не смыкал,
Я без надежд
К нему взирал.

РАСКАЯНЬЕ

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом не зараженной.
И этот клад ты потерял.

Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел все; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.

Не дважды бог дает нам радость,
 Взаимной страстью веселя;
 Без утешения, томя,
 Пройдет и жизнь твоя, как младость.
 Ее лобзанье встретишь ты
 В устах обманщицы прекрасной;
 И будут пред тобой всечасно
 Предмета первого черты.

О, вымоли ее прощенье,
 Пади, пади к ее ногам,
 Не то ты приготовишь сам
 Свой ад, отвергнув примиренье.
 Хоть будешь ты еще любить,
 Но прежним чувствам нет возврата,
 Ты вечно первую утрату
 Не будешь в силах заменить.

ВЕНЕЦИЯ

1

Поверхностью морей отражена,
 Богатая Венеция почила,
 Сырой туман дымился, и луна
 Высокие твердыни осребрила.
 Чуть виден бег далекого ветрила,
 Студеная вечерняя волна
 Едва шумит вод веслами гондолы
 И повторяет звуки баркаролы.

2

Мне чудится, что это ночи стон,
 Как мы, своим покоем недовольной,
 Но снова песнь! и вновь гитары звон!
 О, бойтесь, мужья, сей песни вольной.

Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших, жен;
Но если вы в сей миг неверны сами,
Тогда, друзья! да будет мир меж вами!

3

И мир с тобой, прекрасный Чичизбей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситесь по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина;
Хоть и над морем царствует судьбина,
Гонитель вечный счастливых людей,
Но талисман пустынного лобзанья
Уводит сердца темные мечтанья.

4

Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж собою;
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной рукою,
Укрытые досель под епанчою,
Чтоб юношу сильней прижать к устам;
Меж тем вдали, то грустный, то веселый,
Раздался звук обычной баркаролы:

Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок;
Как речки быстрое русло,
Не устает мое весло.

Гондола по воде скользит,
А время по любви летит;
Опять сравнивается вода,
Страсть не воскреснет никогда.

К ДУРНОВУ

Довольно любил я, чтоб вечно грустить,
Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу открыть,
Зачем я не то, что я был?

В вечернее время, в час первого сна,
Как блещет туман среди долин,
На месте, где прежде бывала она,
Брожу беспокоен, один.

Тогда ты глаза и лицо примечай,
Движенья спеша понимать,
И если тебе удалось... то ступай!
Я больше не мог бы сказать.

АРФА

I

Когда зеленый дерн мой скроет прах,
Когда, простясь с недолгим бытием,
Я буду только звук в твоих устах,
Лишь тень в воображении твоём;
Когда друзья молодые на пирах
Меня не станут поминать вином,
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.

II

Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней,
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых дней;
Но не проснется звонкая струна

Под белоснежной рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою любовь,
Уж будет спать, чтоб не проснуться вновь.

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомян тот взор:
Люблю я Кавказ!..

К***

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь с чувством я глубоким
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых
Безумцем порицаем он;

Внимая шум воды прибрежной,
В изгнании дальнем он погас —
И что ж? Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..

О П А С Е Н И Е

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел или подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых годах
В твой ум закрадутся порою
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

С Т А Н С Ы

Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихий арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.

Но слаще встретить средь моления
Ее слезу очам моим:
Так, зря спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.

Н.Ф. И.....вой

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный.
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.

ВЕСНА

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди лугов местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля, —
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей;
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

И (странно мне), когда увидел ту,
 Которую любил так сильно прежде,
 Я чувствовал один холодный трепет
 Досады горькой — и толпа друзей
 Ликующих меня не удержала,
 С презрением на кубки я взглянул,
 Где грех с вином кипел, — воспоминанье
 В меня впилося когтями, — я вздохнул,
 Так глубоко, как только может мертвый, —
 И полетел к своей могиле. Ах!
 Как беден тот, кто видит наконец
 Свое ничтожество и в чьих глазах
 Все, для чего трудился долго он, —
 На воздух разлетелось...
 И я сошел в темницу, узкий гроб,
 Где гнил мой труп, — и там остался я;
 Здесь кость была уже видна — здесь мясо
 Кусками синее висело — жилы там
 Я примечал с засохшею в них кровью...
 С отчаяньем сидел я и взирал,
 Как быстро насекомые роились
 И поедали жадно свою пищу;
 Червяк то выползал из впадин глаз,
 То вновь скрывался в безобразный череп,
 И каждое его движенье
 Меня терзало судорожной болью.
 Я должен был смотреть на гибель друга,
 Так долго жившего с моей душою,
 Последнего, единственного друга,
 Делившего ее земные муки, —
 И я помочь ему желал — но тщетно —
 Уничтоженья быстрые следы
 Текли по нем — и черви умножались;
 Они дрались за пищу остальную
 И смрадную сырую кожу грызли,
 Остались кости — и они исчезли;

В гробу был прах... и больше ничего...
 Одной полон мрачною заботой,
 Я припадал на бранные останки,
 Стараясь их дыханием согреть...
 О, сколько б я тогда отдал земных
 Блаженств, чтоб хоть одну — одну минуту
 Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
 Они остались холодны — холодны — как
 презренья!
 Тогда я бросил дикие проклятья
 На моего отца и мать, на всех людей, —
 И мне блеснула мысль (творенье ада):
 Что, если время совершит свой круг
 И погрузится в вечность невозвратно,
 И ничего меня не успокоит,
 И не придут сюда простить меня?..
 И я хотел изречь хулы на небо —
 Хотел сказать:
 Но голос замер мой — и я проснулся.

РАЗЛУКА

Я виноват перед тобою,
 Цены услуг твоих не знал.
 Слезами горькими, тоскою
 Я о прощенье умолял,
 Готов был, ставши на колени,
 Проступком называть мечты;
 Мои мучительные пени
 Бессмысленно отвергнул ты.
 Зачем так рано, так ужасно
 Я должен был узнать людей
 И счастьем жертвовать напрасно
 Холодной гордости твоей?..
 Свершилось! Вечную разлуку
 Трепеща вижу пред собой...

Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране
Не принесло тебе страданье
При сожаленье обо мне...

Ночь. II

Погаснул день! — и тьма ночная своды
Небесные как саваном покрывла.
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась наша;
На ней, спокойствием объятый тихим,
Уснуло все — и я один лишь не спал.
Один я не спал... страшным полусветом,
Меж радостью и горестью серединой,
Мое теснилось сердце — и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..

Вот с запада *Скелет* неизмеримый
По мрачным сводам начал подниматься
И звезды заслонил собою...
И целые миры пред ним уничтожались,
И все трещало под его шагами, —
Ничтожество за ними оставалось —
И вот приблизился к земному шару
Гигант всесильный — все на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило —
единый,
Единый смертный видел, что не дай бог
Созданию живому видеть...

И вот *он* поднял костяные руки —
 И в каждой *он* держал по человеку,
 Дрожащему — и мне они знакомы были —
 И кинул взор на них я — и заплакал!..
 И странный голос вдруг раздался:

«Малодушный!

Сын праха и забвения, не ты ли,
 Изнемогая в муках нестерпимых,
 Ко мне взывал, — я здесь: я смерть!..
 Мое владычество безбрежно!.. Вот двое.
 Ты их знаешь — ты любил их...
 Один из них погибнет. Позволяю
 Определить неизбежимый жребий...
 И ты умрешь, и в вечности погибнешь —
 И их нигде, нигде вторично не увидишь —
 Знай, как исчезнет время, так и люди,
 Его рождение — только бог лишь вечен...
 Решишь, несчастный!..»

Тут невольный трепет

По мне мгновенно начал разливаться,
 И зубы, крепко застучав, мешали
 Словам жестоким вырваться из груди;
 И наконец, преодолев свой ужас,
 К скелету я воскликнул:
 «Оба! оба!.. Я верю: нет свиданья — нет
 разлуки!..»

Они довольно жили, чтобы вечно
 Продлилось их наказание.
 Ах! — и меня возьми, земного червя —
 И землю раздробь, гнездо разврата,
 Безумства и печали!..
 Все, все берет она у нас обманом
 И не дарит нам ничего — кроме рожденья!..
 Проклятье этому подарку!..
 Мы без него тебя бы не знавали,

Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Где нет надежд — и всюду спасенья.
Да гибнут же друзья мои, да гибнут!..
Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»

И видел я, как руки костяные
Моих друзей сдавили — их не стало —
Не стало даже призраков и теней...
Туманом облачился образ смерти,
И — так пошел на север. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на творца роптал, страшась молиться!..

НЕЗАБУДКА

(Сказка)

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.
О древней верности, конечно,
Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Все дело перепортят вечно,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец.
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою,
Беседа мирная текла.

«Друг, не клянися мне напрасно, —
Сказала дева, — верю я;
Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясный;
Но как она в тебе сильна,
Еще не знаю. Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,
Но нет: гвоздика не нужна;
Подалье, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»
Вскочил мой рыцарь, восхищенный
Ее душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)
Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья!..
Взор кинув, полный весь огня,
Своей красавице безгласной:
«Прости, не позабудь меня!» —
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадежной
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.

Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор.
Он незабудкою зовется;
В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страшась прикосновенья,

Он ищет там уединенья,
И цветом *неба* он цветет,
Где смерти нет и нет забвенья...

Вот повести конец моей;
Судите: бльль иль *небылица*.
А виновата ли девица —
Сказала, верно, совесть ей!

С О В Е Т

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Все с годами пронесется —
Улыбнись и разгрустись.
Дев измены молодые
И неверный путь честей,
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?

Не ищи страстей тяжелых;
И покуда бог дает,
Нектар пей часов веселых;
А печаль сама придет.
И, людей не презирая,
Не берись учить других;
Лучшим быть не вображая,
Скоро ты полюбишь их.

Сердце глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Беден, кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытав,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.

ОДИНОЧЕСТВО

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы:
Никто не хочет грусть делить.

Один я здесь, как царь воздушный,
Страдания в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;

И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старую мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?

Никто о том не покрутится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

В АЛЬБОМ

1

Нет! — я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

Быть может, некогда случится,
 Что, все страницы пробежав,
 На эту взор ваш устремится,
 И вы промолвите: он прав;
 Быть может, долго стих унылый
 Тот взгляд удержит над собой,
 Как близ дороги столбовой
 Пришельца — памятник могилы!..

ГРОЗА

Ревет гроза, дымятся тучи
 Над темной бездною морской,
 И хлещут пеною кипучей,
 Толпяся, волны меж собой.
 Вкруг скал огнистой лентой вьется
 Печальной молнии змея,
 Стихий тревожный рой мятется —
 И здесь стою недвижим я.

Стою — ужель тому ужасно
 Стремленье всех надземных сил,
 Кто в жизни чувствовал напрасно
 И жизньню обманут был?
 Вокруг кого, сей яд сердечный,
 Вились сужденья клеветы,
 Как вкруг скалы остроконечной
 Губитель-пламень, вьешься ты?

О нет! — летай, огонь воздушный,
 Свистите, ветры, над головой;
 Я здесь, холодный, равнодушный,
 И трепет не знаком со мной.

* * *

Гроза шумит в морях с конца в конец.
Корабль летит по воле бурных вод,
Один на нем спокоен лишь пловец,
Чело печать глубоких дум несет,
Угасший взор на тучи устремлен —
Не ведают, ни кто, ни что здесь он!..

Конечно, он живал между людей
И знает жизнь от сердца своего;
Крик ужаса, моления, скрип снастей
Не трогают молчания его.

ЗВЕЗДА

Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда;
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...

Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу
И хоть нельзя — смотреть его хочу..

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях и серебряный прах
От нее, рассыпаясь, бежит.

Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
Обманчивы луч и волна.

Мрак тени твоей только ляжет на ней —
Отойди ж, — и заблещет она.

Светлой радости так беспокойный призрак
Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить — он шутя убежит от тебя!
Ты обманут — он вновь пред тобой.

ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон.
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит все о красоте своей.

НА ПОЛЕОН

(Дума)

В неверный час, меж днем и темнотою,
Когда туман синее над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,

Стоит вблизи нагбенного креста?
 Он не живой. Но также не мечта:
 Сей острый взгляд с возвышенным челом
 И две руки, сложенные крестом.

Пред ним лепечут волны и бегут,
 И вновь приходят, и о скалы бьют;
 Как легкие ветрилы, облака
 Над морем носятся издалека.
 И вот глядит неведомая тень
 На тот восток, где новый брезжит день;
 Там Франция! — там край ее родной
 И славы след, быть может скрытый мглой;
 Там, средь войны, ее неслися дни...
 О! для чего так кончились они!..

Прости, о слава! обманувший друг.
 Опасный ты, но чудный, мощный звук;
 И скиптр... о вас забыл Наполеон;
 Хотя давно умерший, любит он
 Сей малый остров, брошенный в морях,
 Где сгнил его и червем съеден прах,
 Где он страдал, покинут от друзей,
 Презрев судьбу с гордыней прежних дней,
 Где стаивал он на берегу морском,
 Как ныне грустен, руки сжав крестом.

О! как в лице его еще видны
 Следы забот и внутренней войны,
 И быстрый взор, дивящийся слабый ум,
 Хоть чужд страстей, все полон прежних дум;
 Сей взор как трепет в сердце проникал
 И тайные желанья узнавал,
 Он тот же все; и той же шляпой он,
 Сопутницею жизни, осенен.
 Но — посмотри — уж день блеснул в струях...
 Призрака нет, все пусто на скалах.

Нередко внемлет житель сих берегов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как ни был страх велик,
Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом.

ЭПИТАФИЯ НАПОЛЕОНА

Да тень твою никто не порицает,
Муж рока! ты с людьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть
мог:
Великое ж ничто не изменяет.

К ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

Тобой пленяться издали
Мое все зрение готово,
Но слышать боже сохрани
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...

Так смерть красна издалека;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока,
Лишь только б не она за мною.
За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье,
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.

Очи N.N.

Нет смерти здесь; и сердце вторит: нет;
Для смерти слишком весел этот свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и могил...
Хоть все возьмет могильная доска,
Их пожалеет смерти злой рука;
Их луч с небес, и, как в родных краях,
Они блеснут звездами в небесах!

КАВКАЗУ

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

УТРО НА КАВКАЗЕ

Светает — вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск, и светит там и там:

Так девушки, купаясь в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор:
Но как бежать, коль близок милый вор!..

* * *

Прости, мой друг!.. как призрак я лечу
В далекий край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не пред тобой.
Ты можешь жить, не слыша голос мой;
Из всех блаженств, отнятых у меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью зажгло.
Всё кончено! — ни бледное чело,
Ни пасмурный и недовольный взгляд
Ничем, ничем не омрачат!..
Меня забыть прекрасной нет труда, —
И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мне придет,
Что и тебя несчастье убьет,
Что некогда с ланит и с уст мечта
Как дым слетит, завянет красота,
Забьется сердце медленней, свинец
Тоски на нем — и что всему конец!..
Однако ж я желал бы увидеть
Твой хладный труп, чтобы себе сказать:
«Чего еще! желанья отняты,
Бедняк — теперь совсем, совсем оставлен ты!»

ЧЕЛНОК

Воет ветер и свистит пред недалёной грозой;
По морю, на темный восток,
Озаряемый молнией, кидаем волной,
Несется неверный челнок.

Два гребца в нем сидят с беспокойным челом,
И что-то у ног их под белым холстом.

И вихорь сильней по волнам пробежал,
И сорван летучий покров.
Под ним человек неподвижно лежал
И бледный, как жертва гробов;
Взор мрачен и дик, как сражения дым,
Как тучи на небе иль волны под ним.

В чалме он богатой, с обритой главой,
И цепь на руках и ногах,
И рана близ сердца, и ток кровяной
Не держит опасности страх;
Он смерть равнодушнее спутников ждет,
Хотя его прежде она уведет.

Так с смертию вечно: чем ближе она,
Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны, как одна,
Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!..

ОТРЫВОК

На жизнь надеяться страшась
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.

Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
Все, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший среди существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

Две жизни в нас до гроба есть.
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Все, все подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь, как скорпион.
Ему поверил я — и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

И скоро старость приведет
Меня к могиле — я взгляну
На жизнь — на весь ничтожный плод —

И о прошедшем вспомяну:
 Придет сей верный друг могил,
 С своей холодной красотой:
 Об чем страдал, что я любил,
 Тогда лишь будет мне мечтой.

Ужель единый гроб для всех
 Уничтожением грозит?
 Как знать: тогда, быть может, смех
 Полмертвого воспламенит!
 Придет веселость, звук чужой
 Поныне в словаре моем:
 И я об юности златой
 Не погорюю пред концом.

Теперь я вижу: пышный свет
 Не для людей был сотворен.
 Мы сгинем, наш сотрется след,
 Таков наш рок, таков закон;
 Наш дух вселенной вихрь умчит
 К безбрежным, мрачным сторонам,
 Наш прах лишь землю умягчит
 Другим, чистейшим существам.

Не будут проклинять они;
 Меж них ни злата, ни честей
 Не будет. Станут течь их дни,
 Невинные, как дни детей;
 Меж них ни дружбу, ни любовь
 Приличья цепи не сожмут,
 И братьев праведную кровь
 Они со смехом не прольют!..

К ним станут (как всегда могли)
 Слетаться ангелы. А мы
 Увидим этот рай земли,
 Окованы над бездной тьмы.

Укоры зависти, тоска
И вечность с целию одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.

* * *

1

Оставленная пúстынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни — и кругом
Высокая полынь — все, все без слов
Нам говорит о таинствах гробов.

.....

Таков старик, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов;
При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участия,
Святей любви, спокойней счастья.

Быть может, через много лет
Сия священная обитель

Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,

Где образ божеской могилы
Между золотых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.

И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клубок
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили!..

К. ...

«Простите мне, что я решился к вам
Писать. Перо в руке — могила
Передо мной. Но что ж? все пусто там.
Все прах, что некогда она манила
К себе. Вокруг меня толпа родных,
Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу — пишу — но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви — но вы не знали мук моих.

Я чувствую, что это труд ничтожный:
 Не усладит последних он минут.
 Но так и быть — пишу — пока возможно —
 Сей труд души моей любимый труд!
 Прими письмо мое. Твой взор увидит,
 Что я не мог стеснить души своей
 К молчанью — так ужасна власть страстей!
 Тебя письмо страдальца не обидит...
 Я в жизни — много — много испытал,
 Ошибся в дружбе — о! храни моих мучений
 Слова — прости — и больше нет волнений,
 Прости, мой друг», — и подписал: «Евгений».

Ночь. III

Темно. Все спит.
 Лишь только жук ночной,
 Жужжа, в долине пролетит порой;
 Из-под травы блистает червячок,
 От наших дум, от наших бурь далек.
 Высоких лип стал пасмурней навес,
 Когда луна взошла среди небес...
 Нет, в первый раз прелестна так она!
 Он здесь. Стоит. Как мрамор, у окна.
 Тень от него чернеет по стене.
 Недвижный взор поднят, но не к луне;
 Он полон всем, чем только яд страстей
 Ужасен был и мил сердцам людей.
 Свеча горит, забыта на столе,
 И блеск ее с лучом луны в стекле
 Мешается, играет, как любви
 Огонь живой с презрением в крови!
 Кто ж он? кто ж он, сей нарушитель сна?
 Чем эта грудь мятежная полна?
 О, если б вы умели угадать

В его очах, что хочет он скрывать!
 О, если б мог единый бедный друг
 Хотя смягчить души его недуг!

FAREWELL¹

(Из Байрона)

Прости! коль могут к небесам
 Взлетать молитвы о других,
 Моя молитва будет там
 И даже улетит за них!
 Что пользы плакать и вздыхать,
 Слеза кровавая порой
 Не может более сказать,
 Чем звук прощанья роковой!..

Нет слез в очах, уста молчат,
 От тайных дум томится грудь,
 И эти думы вечный яд, —
 Им не пройти, им не уснуть!
 Не мне о счастье бредить вновь, —
 Лишь знаю я (и мог снести),
 Что тщетно в нас жила любовь, —
 Лишь чувствую — прости! — прости!

ЭЛЕГИЯ

Дробись, дробись, волна ночная,
 И пеной орошай берега в туманной мгле.
 Я здесь стою близ моря на скале,
 Стою, задумчивость питая,
 Один, покинув свет, и чуждый для людей,
 И никому тоски поверить не желая.

¹ Прощай (*англ.*).

Вблизи меня палатки рыбарей;
 Меж них блестит огонь гостеприимный,
 Семья беспечная сидит вокруг огонька
 И, внемля повесть старика,
 Себе готовит ужин дымный!
 Но я далек от счастья их душой,
 Я помню блеск обманчивой столицы,
 Веселий пагубных невозвратимый рой.
 И что ж? — слеза бежит с ресницы,
 И сожаление мою тревожит грудь,
 Года погибшие являются всечасно;
 И этот взор, задумчивый и ясный —
 Твержу, твержу душе: забудь.
 Он все передо мной: я все твержу напрасно!..
 О, если б я в сем месте был рожден,
 Где не живет среди людей коварность:
 Как много бы я был судьбою одолжен —
 Теперь у ней нет прав на благодарность! —
 Как жалок тот, чья младость принесла
 Морщину лишнюю для старого чела
 И, отобрав все милые желанья,
 Одно печальное раскаянье дала;
 Кто чувствовал, как я, — чтоб чувствовать
 страданья,
 Кто рано свет узнал — и с страшной пустотой,
 Как я, оставил брег земли своей родной
 Для добровольного изгнанья!

ЭПИТАФИЯ

Простосердечный сын свободы,
 Для чувств он жизни не щадил;
 И верные черты природы
 Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаниям,
 И талисманам, и любви,

СТИХОТВОРЕНИЯ

И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои,

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

SENTENZ¹

Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами
Не что иное — как тетрадь
С давно известными стихами.

ГРОБ ОССИАНА

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный,
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

ПОСВЯЩЕНИЕ

Прими, прими мой грустный труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал — не придут
Вновь эти слезы — вечно им
Не освежать моих очей.

¹ Сентенция (нем.).

Когда катилися они,
Я думал, думал все об ней.
Жалел и ждал другие дни!
Уж нет ее, и слез уж нет —
И нет надежд — передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.
Одним высоким увлечен,
Он только жертвует любви:
Принести тебе лишь может он
Любимые труды свои.

К Су<шковой>

Вблизи тебя до этих пор
Я не слышал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор —
Не билось сердце у меня.

И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю — зачем скрывать!

Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

1830. МАЙЯ. 16 ЧИСЛА

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу — и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж *вами*
По разрушении! — Творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти —
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет,
И там и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

ГОСТЬ

Как прошлец иноплеменный
В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?» —
Мужу говорит жена,

Сидя рядом, в вечер поздний
Возле тусклого окна...

Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,
Бедный вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Заплутался он в лесах.

И ему ночлег дается —
Что ж стоишь, отшельник, ты?
Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,
Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит — и вот забылся
И к ногам ее упал.

Муж ушел тогда. О! прежде
Жил чернец лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею все.
Но промчалось исступленье;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыдания и мученье
Схоронить от глаз людей.

Но рыдания звучали
Вплоть до белья зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу он посинелый,
Как замученный, лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал!..

К***

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны, — нет,
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки, —
О, если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды
И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной!

ДЕРЕВУ

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад, два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..

Детей! — о! да, я был ребенок! —
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флер был слишком тонок —
В единый миг прорвался он.

И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвести;
Я жизнь его купил бы кровью, —
Но как переменить, что *есть*?

Ужели также вдохновенье
Умрет невозвратно с ним?
Иль шуму светского волненья
Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет, — мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

* * *

Все тихо — полная луна
Блестит меж ветел над прудом,
И возле берега волна
С холодным резвится лучом.

* * *

Никто, никто, никто не усладил
В изгнание сем тоски мятежной!
Любить? — три раза я любил,
Любил три раза безнадежно.

11 июля

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепью холмов,
Краснея ярко, заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель все было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,
В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Все, в чем хоть искра есть страданья!